

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Кафедра английского языка и методики преподавания

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» В РОМАНЕ Т. ДРАЙЗЕРА
«ДЖЕННИ ГЕРХАРДТ»**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Иностранный язык (первый, второй)
очной формы обучения, группы 02051206
Моисеенко Анастасии Андреевны

Научный руководитель:
к.ф.н., доцент
Трубаева Е.И.

БЕЛГОРОД 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Концепт как объект лингвистического исследования	6
1.1. Понятие концепта в когнитивной лингвистике.....	6
1.2. Методы исследования концептов.....	24
Выводы по ГЛАВЕ I	29
ГЛАВА II. Особенности выделения доминантного концепта «счастье» в романе «Дженни Герхардт»	30
2.1. Лингвистический анализ произведения.....	30
2.2. Доминантный концепт «Счастье» и особенности его выделения.....	36
Выводы по ГЛАВЕ II	47
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	48
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	50
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	55
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	56

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время лингвистическая наука ставит перед собой цель ответить на вопрос, что такое язык, а так же чего может достигнуть посредством языка. Отсюда задачей когнитивной лингвистики можно считать попытку понять роль участия языка в процессе познания, получения и передачи информации; объяснить процессы концептуализации знаний; выделить систему универсальных концептов; разграничить понятия концептосферы и языковой картины мира. Предметом изучения в когнитивной лингвистике являются образные схемы и некоторые другие формы представления знаний, когнитивная семантика и концепты, а именно моделирование мира посредством концептов.

Сам концепт рассматривается через совокупность его репрезентаций в словарях, анализов афоризмов, пословиц, а так же контекстуальных употреблений, которые фиксируются в текстах суждений о концепте. Стоит подчеркнуть, что его двойственная природа обуславливается количеством подходов изучения: культурологический, лингвистический и концептуальный.

Кроме того, когнитивная лингвистика занимается изучением концептуальной картины мира (концептосферы), которая включает в себя сами концепты. Концептосфера устанавливает когнитивное деление мира и является частью языковой картины мира людей. Изучая концептосферы конкретного народа, появляется возможность рассуждать об их ментальных стереотипах, которые были присущи именно им на определенном этапе времени, а ключ к пониманию содержания концепта содержится в семантике слов.

Актуальность представленной работы обусловлена тем, что тема изучения концептов на настоящий момент не раскрыта в полной мере, требует значительных доработок в структурировании теоретической базы и методологических исследований, а разнообразие направлений изучения

открывает большие возможности перед учеными. Таким образом, данная тема является одной из самых перспективных в лингвистической науке.

Объект исследования – концепт «Счастье» в романе Теодора Драйзера «Дженни Герхардт».

Предмет исследования – особенности языковых средств репрезентации концепта «Счастье».

Целью данной работы является описание основных средств и методов, используемых для репрезентации концепта «Счастье» в романе «Дженни Герхардт».

Для того чтобы достигнуть поставленной цели, выделяется ряд основных **задач**, которые обусловлены предметом и объектом настоящей работы:

- обобщить понятие «концепт» и подходы к его изучению, а так же обозначить понятие «концептосфера»;
- выделить и проанализировать методы изучения концептов;
- проанализировать роман «Дженни Герхардт», выделить проблематику произведения;
- проанализировать саму лексему «Счастье», найти способы репрезентации концепта «Счастье» в романе.

Теоретическая основа данной работы складывается на базе исследований структуры лингвистической науки (Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачев, В.А. Маслов), определений понятия «концепт» (С.А.Аскольдов, А.П. Бабушкин, Е.С. Кубрякова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия), выделения и обоснования понятие «концептосфера» (З.Д. Попова, И.А. Стернина), методик концептуального анализа (В.И. Карасик, В.А. Маслов).

Материалом для анализа послужил роман Теодора Драйзера «Дженни Герхардт».

Структура и содержание работы определены составом решаемых проблем и задач. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух

глав, выводов по главам, заключения, списка использованной литературы, списка использованных словарей, списка источников фактического материала.

ГЛАВА I. Концепт как объект лингвистического исследования

1.1. Понятие концепта в когнитивной лингвистике

Когнитивная лингвистика - это новая когнитивная наука, объектом исследования которой являются природа и сущность знания и познания, результаты восприятия действительности и познавательной деятельности человека, которые представлены осмысленной и приведенной в определенную систему информацией (Алефиренко, 2011: 215).

Как и любая другая наука, когнитивная лингвистика оперирует рядом терминов, которые мы сейчас рассмотрим.

Познание - процесс отражения и воспроизведения в мышлении действительности, в результате которого происходит накопление знаний; это взаимодействие систем восприятия, понимания, представления (репрезентации) и порождения информации (Воркачев, 2001).

Информация - сообщение о фактах, событиях, процессах; данные, сведения, знания, приходящие к человеку по разным каналам и кодируемые, обрабатываемые и перерабатываемые в текущем сознании; знания, представляемые и передаваемые языковыми структурами в процессе коммуникации (Воркачев, 2001).

Знание - базисная форма когнитивной организации результатов отражения объективных свойств и признаков действительности в сознании людей, поскольку оно представляет собой важный фактор упорядочения их повседневной жизни и деятельности (Корнилов, 2011). Знания - часть памяти, содержащаяся в сознании сведения, результаты отражения объектов окружающего мира, объединенные в определенную упорядоченную систему. Такие данные образуются в результате мыслительных процессов: индукция и

дедукция, умозаключение, рассуждение. Более того, они образуются в ходе операций сравнения, идентификации, распознавания, категоризации и классификации объектов. Данные репрезентированы различными когнитивными структурами: фреймами, скриптами, сценариями, пропозициями, образами и т.д. (Воркачев, 2001).

Знание как самостоятельная семантическая реальность в контексте культуры упорядочивается ценностно-смысловыми моделями традиционного миропонимания. Различают знания:

- языковые (знание языка - грамматики, лексики и т.п.; знание об употреблении языка; знание основ речевого общения);
- внеязыковые - знание ситуации, адресата (его целей, планов, представлений о говорящем и об окружающей обстановке);
 - знания о мире (Волченко, 2004).

В центре внимания когнитивной лингвистики находятся языковые знания.

Существует четыре варианта когнитивистики:

- описание и объяснение механизмов, соединяющих стимул и реакцию, вход и выход человеческой "думающей машины";
- исследование явлений внутренней ментальной природы человека;
- акцентирование субъекта в качестве источника, инициатора своих действий;
- изучение специфики когнитивных процессов в сравнении с аффектами (Маслов, 2004: 49).

На данном этапе развития перед когнитивной лингвистикой ставятся три главные проблемы: о природе языкового знания, о его усвоении и о том, как его используют. Поэтому исследования ведутся в основном по следующим направлениям:

- а) виды и типы знаний, представленных в этих знаках (гносеология = теория познания), и механизм извлечения из знаков знаний, т.е. правила интерпретации (когнитивная семантика и прагматика);

б) условия возникновения и развития знаков и законы, регулирующие их функционирование;

в) соотношение языковых знаков и культурных реалий в них отраженных (Маслов, 2004).

Лингвистическая теория должна отвечать не только на вопрос, что такое язык, но и на вопрос, чего достигает человек посредством языка (Рудакова 2004: 80). В этой связи задачи когнитивной лингвистики следует определить как попытку понять следующее:

- какова роль участия языка в процессах познания и осмысления мира;
- выяснить соотношение концептуальных систем с языковыми;
- установить, как участвует язык в процессах получения, переработки и передачи информации о мире;
- понять процессы концептуализации и категоризации знаний; описать средства и способы языковой категоризации и концептуализации констант культуры;
- как описать систему универсальных концептов, организующих концептосферу и являющихся основными рубриками ее членения;
- решить проблемы языковой картины мира; соотношение научной и обыденной картин мира с языковой.

В настоящее время можно выделить несколько предметов изучения в когнитивной лингвистике:

- когнитивная семантика, т.к. содержание знака тесно связано с познавательной деятельностью человека. В структуре знаний, стоящих за языковым выражением, в определенной степени отражается способ номинации. Поэтому важное место в когнитивных исследованиях отводится языковой номинации - разделу языкознания, изучающему принципы и механизмы названия имеющихся у человека идей и представлений (Клестер, 2012).
- образные схемы, в рамках которых человек познает мир. Согласно М. Джонсону автору теории образных схем, это повторяющийся динамический

образец наших процессов восприятия, на основе которых осмысляются затем более абстрактные идеи. Например, чувства воспринимаются через любую текучую жидкость (Лакофф, Джонсон, 1980) .

- другие формы представления знаний, играющие важную роль в функционировании языка, - фреймы, скрипты, сценарии, пропозиции и т.д.
- концепты, точнее, моделирование мира с помощью концептов. Наиболее существенными для построения всей концептуальной системы являются те, которые организуют само концептуальное пространство и выступают как главные рубрики его членения (Кубрякова, 1991).

Выделенные задачи когнитивной лингвистики Е.С. Кубрякова сгруппировала как "изучение языковых процессов, языковых единиц и категорий и т.п. в их соотношении с памятью, воображением, восприятием, мышлением" (Кубрякова, 2004: 162).

Когнитивная лингвистика дополняет анализ языка анализом речи, различных контекстов употребления соответствующих лексем, зафиксированных в текстах суждений о концепте, его определений в разных словарях и справочниках, анализом фразеологии, пословиц, поговорок, афоризмов, в которых концепт репрезентирован (Кубрякова, 2008).

В языкознании понятие «концепт» в первый раз используется С.А. Аскольдовым в статье «Концепт и слово». Он определял концепт как ментальную сущность, которая вытесняет в мыслительном процессе некоторую общность однотипных объектов (Аскольдов, 1997: 269). Хотя понятие концепта активно употребляется, оно в настоящий момент не имеет однозначного и четкого толкования, понятие это варьируется в различных научных трудах. Г.Г. Слышкин формулирует концепт как «условно - ментальную единицу». Это формирование представлено им как процесс соотношения результатов опытного познания действительности с ранее усвоенными культурно-ценностными доминантами, выраженными в религии, искусстве и т.д. (Слышкин, 1994: 54). А.П. Бабушкин предлагает такое

определение: «концепт – дискретная содержательная единица коллективного сознания или идеального мира, хранимая в национальной памяти носителя языка в вербально обозначенном виде» (Бабушкин, 1996: 13).

В настоящее время в языкознании выделяется три подхода к изучению концепта: **лингвистический, когнитивный, культурологический**. Разнообразие направлений, трактующих понятие «концепт», определяют его двойственную природу. Он может трактоваться в качестве:

- определения языкового знака (лингвистический и культурологический подход);
- содержательной стороны знака, которая представлена в сознании (когнитивный подход) (Апресян, 1974).

Лингвистический подход отображается в работах С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачева, В.В. Колесова, В.Н. Телия. Они утверждают, что любому словарному значению присущ концепт, и выдвигают идею изучать концепт как математическое выражение значения. В общем, последователи представленного подхода выявляют концепт как общий потенциал определения этого слова, включая его коннотационную окраску. Сторонники **когнитивного подхода** понимают сущность концепта как явление, которое носит ментальный характер. Например, З.Д. Попова и И.А. Стернин и некоторые другие сторонники данного подхода приписывают концепт к проявлениям мыслительным, идентифицируя его как масштабную мыслительную единицу, «квант структурированного знания» (Попова, Стернин, 2002). Исходя из исследований **культурологического подхода**, концепты и взаимосвязи между ними представляют собой культуру в целом. Трактовка концепта здесь представлена как базовая единица культуры в сознательном мире человека. Данной позиции придерживаются такие ученые как Ю.С. Степанов, Г.Г. Слышкин и другие.

Определяя язык как явление когнитивное, акцентируется внимание на том, что язык передает информацию об окружающем мире, обрабатывает,

организует, усовершенствует ее и обеспечивает реализацию коммуникативных процессов, передавая большой объем знаний (Маслов, 2004).

С.А. Аскольдов, представляя когнитивную науку или когнитивную лингвистику в частности, утверждал, что у данных наук «большое прошлое, но весьма краткая предыстория» (Аскольдов, 1997: 286). Проблема взаимодействия языка и мышления затрагивается в области философии, логики, биологии, психологии. Мы можем найти много рассуждений на эту тему в трудах таких ученых как Плато и Аристотель. Большое количество обзоров о становлении когнитивной лингвистики можно найти в трудах Н.А. Кобрин, О.Н. Селиверстова и некоторых других.

Ряд российских научных исследователей придерживается утверждения, что в России развитие когнитивной лингвистики является предсказуемым этапом в ходе эволюции, тогда как за рубежом отправной точкой развития когнитивной лингвистики считалась «революция Хомского» (Хайдеггер, 1993).

Отличительной чертой исследований в области языкознания, проводимых в настоящий момент, является большой интерес к человеческому фактору в языке (Кобрин 2000). Можно полагать, что поэтому главным принципом когнитивного направления условились считать идею о некорректности рассуждений о языке без когнитивной деятельности (Р.Лангакер, Дж.Лакофф, А.Вежбицкая и т.д.).

Стоит подчеркнуть, что определения лингвокультурного и чисто лингвистического концепта следует различать.

Лингвокультурные концепты приписываются к разряду единиц ментальности, т.е. это те единицы, через которые просматривается национальный характер. Чисто лингвистические концепты содержат в себе понятия, смысловые представления имени (знака), более того, они различны от самого знака и от его предметного обозначения (денотата, объема понятия) (Красных, 2002).

Слово «концепт» в русском языке возникло как транслитерация латинского «conceptus», что значит буквально «понятие, зачатие» (от глагола «concipere - зачинать») (Степанов, 1974).

Е.С. Кубрякова определяет концепт как «некую цельную оперативную единицу нашего сознания, которой человек оперирует как гештальтом (т.е. готовым пучком признаков, объединенных мыслью в одно целое) в процессе мышления, а также речевой деятельности». Исследователь трактует концепты как «разнообразные смыслы, характеризующие наше сознание и нашу память, которыми оперирует человек и, которые отражают результаты человеческой деятельности в виде квантов знания» (Кубрякова, 1996: 170).

Ю.С. Степанов анализировал разнообразные концепты в рамках культурологически-семиотического направления. Ученый характеризовал термин «концепт» двойственно, предполагая, что, «с одной стороны, концепт – это сгусток культуры, в сознании человека, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» (Степанов, 1985: 258).

В.Н. Телия трактует концепт как «знание, структурированное во фрейм. Таким образом, он отражает не только значимый признак рассматриваемого объекта, но и совокупность всех признаков, содержащих знание о сущности» (Телия, 1996: 234).

Ю.Д. Апресян определяет «концептами» «своего рода лингвокультурные изоглоссы и пучки изоглосс» (Апресян, 1995: 67).

Следует подчеркнуть, что в настоящее время лингвисты дают определение «концепт», акцентируясь на «смысле, который существует в человеке и для человека». Таким образом трактует концепт А. Вежбицкая. Исследователь подчеркивает, что «особенность природы естественного языка заключается в том, что в языке не существует барьеров между психологической и экстралингвистической реальностями, а также социальным миром носителей

языка». Автор трактует понятие концепт как «объект из мира «Идеальное», который имеет имя и отражает определенное культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительность»» (Вежбицкая, 1997: 93).

Ученый исследует концепты «как инструменты познания внешней действительности, которые должны быть описаны средствами языка в виде некоторых объяснительных конструкций» (Вежбицкая, 1997: 416). Это направление может быть названо логико-понятийным. По теории А. Вежбицкой концепты обладают этноспецификой и, исходя из этого, используются для выявления общих черт и различий этнических групп. Исследователь представила своеобразный взгляд на термины «концепт-максимум» и «концепт-минимум» и обосновала противопоставление этих культурных понятий. Более того, «знание концепта-максимума – это полное владение смыслом слова, присущее рядовому носителю языка; знание концепта-минимума – это неполное владение смыслом, которое, однако, не должно быть ниже некоторой границы» (Вежбицкая, 1999: 544).

Соединив представленные А. Вежбицкой понятия концептов «минимума» и «максимума», Н.К. Рябцева предложила иную трактовку концепта: «Концепт – это целостное образование, способное пополняться, изменяться и отражать человеческий опыт; концепт имеет логично организованную динамическую структуру, состоящую из исходного – базисного элемента и связанных с ним через прототипическое значение производных элементов» (Рябцева, 2000: 77).

Исследование концептуальной теории получило место в работах Н.Д. Арутюновой. Этот лингвист считал, что «базой для образования концепта следует считать лишь то явление, которое становится объектом оценки» (Арутюнова, 1993: 3). Ученый утверждает, что для объективной оценки, прежде всего человеку необходимо пропустить объект, «пропустить его через себя». Автор в своих исследованиях сравнивает природу оценки и человеческую природу.

Сознание формирует образ концепта, а первичная ступень формирования включает в себя период оценки объекта и «пропускание» его через себя. По мнению Н.Д. Арутюновой, «термин концепт - вторичное понятие, ставшее результатом синтеза жизненного опыта, традиций, ощущений, а также различных культурных факторов, таких, как религия, фольклор, идеология, психология, искусство». Н.Д. Арутюнова утверждает, что концепты формируют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» (Арутюнова, 1988: 341).

Исходя из представленных нам дефиниций, можно прийти к выводу, что среди ученых нет единого определения термина «концепт». Связь между знанием и языком – проблема, которую каждый пытается решить в своей сфере (лингвистики, психологии, философии и т.д.) (Гумерова, 2010).

Культурологическое направление основано на соотношении языка и культуры в совместном аспекте. Это значит, что такое направление изучения концептов контактирует с одной стороны с философией, т.к. предметом изучения представлены аксиологические концепты (такие как честь, любовь, счастье и др.), а методом – логический анализ и, с другой стороны, лингвистику, т. к. заявленные концепты изучаются в основном через вербализирующие их единицы (Воробьев, 1994). Ю.Ю. Степанов и С.Г. Проскурин в труде «Константы мировой культуры» изучают явление концепта в более обширном смысле культуры (Степанов, Проскурин, 2001). Для анализа конкретных культурных концептов заявлен методологический принцип «концептуализированных областей», которые «возникают на более высоком уровне абстракции, чем собственно языковая и культурные модели мира и устанавливают определенный опосредованный уровень корреляции языковых и культурных тем» (Степанов, Проскурин, 2001).

Типы концептов, основываясь на языковой семантике, описываются в работах А.П. Бабушкина, который представляет дефиницию этой уникальной структуры мыслительной деятельности в качестве «любой дискретной

содержательной единицы коллективного сознания, отражающей предмет реального и идеального мира, который присутствует в памяти носителей языка. Концепт вербализируется, обозначается словом, иначе его существование невозможно» - и выявляет определение типа концепта – «логически конструируемый концепт» (Бабушкин, 1996: 78).

А.А. Худяков приписывает концепт к «мыслительным» проявлениям, трактуя его как «основную форму осуществления понятийного мышления» (Худяков, 1996: 109). К лингвистическому направлению также относится определение термина «концепт» в работах З.Д. Поповой, И.А. Стернина. Они определяют «концепт» как «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой «квант структурированного знания» (Попова, Стерин, 2002: 123). Слово представляет в языке лишь часть концепта, но именно язык – самый доступный путь к расшифровке его содержания. Концепт представлен в языке лексемами, фразеосочетаниями, словосочетаниями, схемами предложений, а также текстами и совокупностями текстов. Рассмотрев языковые и текстовые средства выражения концепта, мы можем получить представление о его содержании в сознании носителей языка. Концепт представляет собой разветвленную структуру, проявить которую можно через анализ языковых средств ее репрезентации (Попова, Стерин, 2002: 145).

Начальной точкой научной рефлексии представителей лингвистического направления представлен подход С.А. Аскольдова к концепту как к понятию общему, содержащему в себе акт сознания. Познавательный концепт является образованием мысленным, которое в мыслительном процессе замещает несколько объектов идентичного рода. Художественный концепт психологически сложен, т.к. ему присуще разнообразие ассоциативного ряда. В поэтической речи «слова, как непосредственным значением, так и через различные переносные смыслы, влекут за собой целую плеяду ассоциативных значений» (Аскольдов, 1997: 272).

В работах В.И. Карасика и И.А. Стернина можно выделить некоторые основные характеристики лингвокультурных концептов. Авторы включают туда такие характеристики как:

1) Комплексность бытования. Концепт отражает в себе культуру. Он может проявляться как в языке, так и в сферах искусства: театр, музыка, архитектура и т.д.

2) Ментальная природа. Концепт – это единица ментальная, которая находится в подсознании, где переплетаются язык и культура, благодаря этому «любое лингвокультуроведческое исследование есть одновременно и когнитивное исследование» (Карасик, Стерин, 2007: 7).

3) Ценность. «Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип» (Карасик, Стерин, 2007: 11).

4) Условность и размытость. Границы лингвокультурного концепта размыты, а он сам представлен условными единицами в рамках того, что «сознание синкретично и его членение производится в исследовательских целях» (Карасик, Стерин, 2007: 13). Ассоциативные векторы значимы в большей степени, если они образуют ядро концепта, и значимы в меньшей степени, если они образуют периферию. «Языковая единица, которой актуализируется центральная точка концепта, служит именем концепта» (Карасик, Стерин, 2007: 14).

5) Изменчивость. С течением времени концепт оценивается по-разному, т.к. социокультурная и социолингвистическая среда развиваются, а образные и понятийные части концепта так же терпят изменения.

6) Ограниченность сознанием носителя. Лингвокультурные концепты могут быть представлены в коллективном и персональном сознании. Здесь существует несколько видов концептов:

- общечеловеческие;
- этнокультурные;

- групповые (социокультурные);
- микрогрупповые;
- индивидуальные.

Следует подчеркнуть, что большая разница существует между индивидуальными концептами в сравнении с групповыми и общечеловеческими. Индивидуальные концепты гораздо шире и вариативнее, чем любые коллективные, т.к. «коллективное сознание и коллективный опыт есть условная производная от сознания и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив. Эта производная образуется путем редукции всего уникального в персональном опыте и суммирования совпадений» (Карасик, Стерин, 2007: 16).

7) Трехкомпонентность. Лингвокультурный концепт, как принято считать, включает в себя три компонента:

- ценностный;
- образный (образно-перцептивный и образно-метафорический);
- понятийный (фактуальный).

В нашем сознании в вербальной форме представлен фактуальный компонент, а невербальным является образный компонент, который можно только описать и интерпретировать. Причины вербализации концепта или их отсутствия – чисто коммуникативные (коммуникативная релевантность концепта). Вербализация концепта не может повлиять на факт его существования в сознании как единицы мышления (Скребцова, 2011). В нашем сознании присутствует множество невербализованных концептов. Большая часть концептов персонального сознания не подвергается вербализации (Swan, 1984). Мы можем говорить о достаточно большой «номинативной плотности» определенной языковой системы, при условии наличия множества номинаций определенного концепта, которые свидетельствуют об актуальности конкретного вербализуемого концепта для сознания нации (Бенвенист, 1974). Следует отметить, когда возникает коммуникативная необходимость концепта,

она может быть вербализована разнообразными способами (лексическими, фразеологическими, синтаксическими и др.), единым комплексом языковых средств, систематизацией и семантическим описанием, которые позволяют выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, а также могут быть использованы для моделирования концепта.

8) Полиапеллируемость. В настоящий момент представлено множество методов языковой апелляции к любому лингвокультурному концепту. В разных коммуникативных контекстах одинаковые языковые единицы могут апеллировать к различным лингвокультурным концептам (Кацнельсон, 1972). Стоит подчеркнуть, что сложность межкультурной коммуникации состоит в том, что в различных культурах существуют разные методы апелляции к концептам.

9) Многомерность. Лингвокультурный концепт многомерен. Традиционные единицы когнитивистики (фрейм, сценарий, скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт, мнема, стереотип), обладая более четкой структурой, чем концепт, используются исследователями для конструирования концепта.

10) Методическая открытость и поликлассифицируемость. «Лингвокультурология – научная отрасль междисциплинарного характера, поэтому в ее рамках приветствуется использование как лингвистических, так и нелингвистических методов. Противопоставление языка и речи в рамках лингвокультурологии не является релевантным. Лингвокультурные концепты могут классифицироваться по различным основаниям, например, по тематике, по носителям, по типам дискурса, по типам транслируемости» (Карасик, Стерин, 2007: 20).

Определения лингвоконцептов можно репрезентировать как в узком, так и в широком понимании:

- в узком содержательном понимании лингвоконцепты – это «понятия жизненной философии», «обыденные аналоги мировоззренческих терминов», которые закреплены в лексике естественных языков;

- в узком формальном понимании лингвоконцепты – это семантические образования, стоящие за словами, которые не имеют однословных эквивалентов при переводе на другие языки;
- лингвоконцепты в широком содержательном понимании могут быть представлены в виде любого вербализованного культурного смысла, обозначенного национальными особенностями;
- лингвоконцепты в широком формальном понимании представляются как культурные смыслы, закрепленные за именем, обладающим специфическим признаком, положенным в основу номинации и отличительными чертами которого является серийность, массовидность (Фрумкина, 1995).

Лингвоконцепты можно отнести к числу единиц ментальности, с помощью которых мы описываем народный характер. «Если ментальность – это способ видения мира вообще, то менталитет – это набор специфических, когнитивных, эмотивных и поведенческих стереотипов нации. Особенно существенно влияние на национальный характер «дублетных лингвоконцептов», не имеющих аналогов в других языках, таких как правда и истина, совесть и сознание, воля и свобода и др.» (Карасик, 2007: 30).

Суммируя различные взгляды на термин «концепт», можно выделить следующие его свойства: ментальный характер, соотнесенность с когнитивными структурами; наличие имени; заместительная функция; потенциальность; воплощенность в различных языковых единицах; манифестация в форме понятия, символа, образа; культурно-историческая детерминированность; ценностный характер; концепты имеют вербальную и невербальную формы (Щерба, 1974).

Отсюда следует вывод, что концепт не может существовать как отдельное понятие. Он возникает как сочетание переживаний, ассоциаций, событий жизни человека, опыта и т.п. Помимо этого, концепты образуют собой культурную сферу, которая является синтезом таких культурных факторов, как

религия, фольклор, психология, идеология. Таким образом, это культурная сфера создает посредническую связь между человеком и окружающим миром.

Доминирующими признаками концепта можно считать следующие утверждения:

1) концепт представляется ментальной сущностью или смысловым образованием, аккумулирующим знания общества или социальной группы о фрагменте действительности;

2) концепт – это единица ментальности;

3) концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации; концепт может быть вербализован, а может быть и невербализован языковыми средствами;

4) в акте речи вербализуется коммуникативно-релевантная часть концепта; исследование семантики языковых единиц, вербализующих концепт – путь к описанию вербализованной части концепта;

5) концепт представляется частью концептосферы или картины мира для определенного сообщества людей, живущих в лингвокультурной среде;

6) концепт имеет определенную структуру, которая не является жесткой, но является определенным условием для существования концепта и его вхождения в концептосферу;

7) концепт представляет собой своеобразный пучок смыслов, неоднозначное многомерное явление;

8) концепт может быть осмыслен по-разному в сознании представителей одной общности;

9) концепты можно отнести к явлениям оценочного типа, которые включают поведенческую, эмоциональную, образную и логическую стороны;

10) концепты внутренне организованы по полемому принципу и включают чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле; структура концепта образована когнитивными классификаторами и объединяемыми ими когнитивными признаками, которые

различаются по степени яркости в сознании их носителей и упорядочиваются в структуре концепта по полевому признаку;

11) концепт представляется культурно-значимым образованием, имеет неоднозначную полевую структуру, обладает «ядром» и «периферией»;

12) информационное содержание концепта включает несколько слоев или секторов, некоторые из них могут репрезентироваться отдельными лексемами или отдельными значениями тех или иных лексем;

13) концепты несут на себе отпечатки тех социокультурных систем, в которых они были сформированы; наблюдается национальная, социальная, групповая и индивидуальная специфика концепта; концепты имеют национальные особенности содержания и структуры; возможны эндемические концепты, также встречается лакунарность концепта (Карасик, Стерин, 2007).

В настоящее время когнитивная лингвистика принимает участие в изучении концептуальной картины мира (концептосферы) и принципов описания единичных её частей.

Термин «концептосфера» в качестве области знаний, состоящей из концептов как единиц, представляет собой основное понятие в когнитивной лингвистике. Внедряясь в концептосферы различных народов, нам предоставляется шанс узнать, какие именно понятия играли важную роль у представителей определенной нации в различные периоды исторического развития, а какие понятия являлись незначительными (Маковский, 1996). Концептосфера устанавливает когнитивное деление мира и определяется, вместе со стереотипами нашего сознания, как часть языковой картины мира людей.

Когнитивная лингвистика занимается тем, что исследует лексическую и грамматическую семантику языка в качестве ресурса допуска к содержанию концептов, в качестве ресурса их моделирования от семантики языка к концептосфере. Их цель - соотнести семантику языка и концептосферу народа.

Следует выделить несколько представителей в этой области: Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, Е.В. Рахилина, З.Д. Попова, И.А. Стернин и некоторые другие.

Первые, кто заговорил о том, что невербальное мышление существует, были психолингвисты. В своих работах они утверждали, что в сознании человека существует концептосфера, которая регулярно обновляется, изменяется и состоит из некоторых квантов знаний – концептов. Они выяснили, что знаки, используемые в языке, люди создают для обмена информацией, а именно для обмена в большей степени употребляемыми концептами (Белянин, 1999). Более того, концептосфера, в общем, намного обширнее по сравнению с частью, которая обозначается с помощью языковых средств. Таким образом, в когнитивной лингвистике эти открытия создали ее базу. Главное утверждение состоит в том, что концептосфера людей раскрывается по средствам исследования значений языковых знаков (Верещагин, Костомаров, 1983). Анализируя эти значения, мы можем определить, какие понятия доминировали на определенном историческом этапе, а какие понятия остались незамеченными для одного народа или были очень значительными для другого.

Исходя из исследований З.Д. Поповой и И.А. Стернина, концептосфера нации масштабнее сферы семантической, которая представляет собой определения слов в языке. Исследователи пришли к мнению, что богатство культуры народа в сферах изобразительного искусства, литературы, фольклоре, а так же его историческое прошлое прямо пропорционально богатству концептосферы народа. Ученые подчеркивают то, что концепты и концептосфера представляют собой ментальные (мыслительные) и незримые сущности. Авторы приходят к выводу, что характер концептосферы в должной степени упорядочен, т. е. концепты, входящие в состав концептосферы, по определенным признакам создают такие отношения с другими концептами, где мы можем выделить их сходства и различия. Исходя из вышесказанного, концептосфера представляет собой упорядоченную общность концептов нации, информационную базу мышления (Попова, Стернин, 2010). Согласно их

утверждению, «когнитивная база народа действительно существует, она выделяется из индивидуальных концептосфер как некоторая их часть, в равной мере присвоенная всеми членами лингвокультурного сообщества» (Попова, Стерин, 2010: 145). Проводя параллель между схожими терминами концептосфера и картина мира, З.Д. Попова и И.А. Стернин верно утверждают то, что картина мира включает и содержательное, и концептуальное знание о реальности, и общность сознательных стереотипов, которые определяют интерпретацию и понимание различных явлений реальности. Такая картина мира называется когнитивной, так как она представляет собой результат познания действительности, выступает как результат деятельности когнитивного сознания и основывается на совокупности упорядоченных знаний – концептосфере (Попова, Стерин, 2010).

Следовательно, когнитивная картина мира включает в себя как концептосферу, так и ментальные стереотипы. Языковая картина значительно уже, так как не все концепты имеют языковое выражение (Попова, Стерин, 2010).

Стоит отметить, что изучение языковой картины мира помогает изучению концептосферы народа, ведь концептосфера закрепляет когнитивное деление мира, которое осуществляется когнитивным сознанием и отражается языком. Языковая картина мира отражает только часть концептосферы и не позволяет судить о ней в полной мере, хотя только благодаря языку человеку открывается доступ к концептосфере (Селиверстова, 1965). Концептосфера – это сфера мысли, которая представляет собой информационную базу когнитивной ментальности нации и личности в частности. Концептосфера конкретной нации представляет собой общность концептов, которые характеризуют определенную национально-культурную общность и находят свое отражение в специфике и уникальности (Beaugrande, 1981). Принято считать, что разница культур проявляется в предпочтении конкретных признаков при концептуализации мира. Определенная нация делает выбор в пользу

определенной группы признаков, которые определяют ее культурную уникальность (Селиверстова, 1980). Следовательно, исследование концептосферы определенного народа дает возможность исследовать специфику культуры данного народа. Например, для описания англичан мы анализируем их культурные концепты.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что главной целью концептуальных исследований является изучение признаков и фрагментарное сравнение картин мира. Лексические и фразеологические единицы объективируют и представляют в речи разнообразные концепты (Уфимцева, 1996). Общность определений лексических и фразеологических единиц формирует семантическое пространство языка; когнитивная интерпретация результатов анализа семантического пространства языка дает возможность проектировать концептосферу общества (Лихачев, 1993). По этой причине, основным этапом каждого лингвистического исследования является использование комплексной методики исследования, которая позволяет в полном объеме изучить средства языковой объективации концепта. Структура концепта рассматривается согласно правилам анализа концептов или, как принято называть, методам исследования концептов.

1.2. Методы исследования концептов

На сегодняшний день ученые разработали некоторое количество методик исследования концептов. Наиболее важными для данной работы являются приемы и методики концептуального анализа.

Цель концептуального анализа можно определить как «выявление парадигмы культурно значимых концептов и описание их концептосферы» (Карасик, 1996: 69). Объектом исследования являются смыслы, которые

передаются отдельными словами, грамматическими категориями или текстами, при этом привлечение большого числа контекстов употребления слова в художественной литературе позволяет не только описать изучаемый концепт, но и структурировать его, выделяя ряд наиболее характерных признаков.

В.А. Маслова описала методику проведения концептуального анализа, опираясь на структурные особенности концепта. Ядро – это словарные значения той или иной лексики, которые, по мнению исследователя, заключают большие возможности в расшифровке содержания концепта, в выявлении особенностей его языкового выражения. Периферия – субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексики, коннотации и ассоциации (Маслова, 2004).

Описание концепта, по исследованиям В.И. Карасика и И.А. Стерина, - это специальные исследовательские процедуры толкования значения его имени и ближайших обозначений:

1. дефинирование - выделение смысловых признаков;
2. контекстуальный анализ - выделение ассоциативно связанных смысловых признаков;
3. этимологический анализ;
4. паремиологический анализ;
5. интервьюирование, анкетирование, комментирование (Карасик, Стерин, 2007: 131).

Существует несколько подходов к анализу концептов, различные приемы их описания, которые базируются на применении разнообразного исследовательского материала. Чаще всего используются следующие методики:

- 1.Выявление семного состава ключевого слова.

Анализируются толкования базовой лексической репрезентации концепта в различных толковых словарях. Часто ученые используют также диахронный

анализ: привлекают этимологические данные, сведения о развитии и становлении значения ключевой лексики.

2. Анализ лексических парадигм различного объема и типа, вербализующих тот или иной концепт:

а) синонимического ряда ключевого слова. Такой анализ позволяет делать акцент на дифференциальные признаки концепта, выявляющиеся в сопоставлении ключевой лексической репрезентации с близкими по значению словами;

б) лексико-семантического, лексико-фразеологического, ассоциативно-семантического поля ключевого слова. Этот метод предполагает подбор не только синонимов, но и антонимов, гиперонима и согипонимов ключевого слова, выявление ядра и периферии поля;

в) деривационного поля ключевого слова. Анализ деривационных возможностей ключевой лексики, реализующей концепт, и семантики выявленных дериватов, который позволяет обнаружить ряд дополнительных когнитивных признаков исследуемого концепта.

3. Анализ материала паремий и афоризмов.

Исследователи, опирающиеся на эту методику при исследовании концептосферы языка, говорят о национально-культурном своеобразии соответствующих концептов, о специфике их содержания в концептосфере носителя той или иной культуры.

4. Анализ лексической сочетаемости слов-репрезентантов концепта обычно проводится на материале художественных и публицистических текстов и позволяет выявить такие признаки в составе концепта, которые приобрели символический смысл (Попова, Стернин, 2002).

Словари разных типов освещают многие стороны содержания концепта, но, тем не менее, часто важная для понимания содержания концепта информация эмоционального и оценочного плана остается за пределами

словарной статьи (Почепцов, 1990). Дополнительные возможности для описания содержания концептов предоставляют экспериментальные методики:

1. Метод свободного ассоциативного эксперимента.

Данный метод заключается в том, что испытуемым предлагаются словестимулы, на которые они должны отвечать любой словесной формой, приходящей им в голову. Этот метод позволяет выявить наибольшее количество различных признаков концепта; частотность реакций свидетельствует об их актуальности / неактуальности в сознании испытуемых.

2. Метод рецептивного эксперимента.

Цель эксперимента - исследование знания, понимания значения языковой единицы носителями языка. При этом могут использоваться различные методики (например, испытуемым предлагают дать свое определение значения слова; назвать слова, близкие по значению, и слова, противоположные по значению; описать зрительный образ, который вызывает слово; подобрать слово, наиболее подходящее к предложенной дефиниции, и др.) (Тимофеева, 2010).

Выбор материала и методики для описания содержания концепта не может быть произвольным. Конкретный языковой материал отражает конкретные аспекты содержания концепта (его синхронный или диахронный пласт или же стороны концепта, актуальные для той или иной социальной группы носителей языка) (Слышкин, 2000).

Во многих работах, посвященных анализу концептов, используется одновременно несколько из вышеперечисленных методов. Это связано с представлением о природе концепта как «кванта знания», различные признаки которого могут эксплицироваться в языке и речи (Никитин, 1988). Применение комплексной методики исследования концептов является наиболее целесообразным, т.к. многоаспектное описание языковых репрезентаций концепта и их текстового функционирования позволяет наиболее полно

представить (показать) содержание и структуру изучаемого концепта (Fairclough, 1989).

Анализ концептов является очень важным для лингвистических исследований, он позволяет более глубоко рассмотреть многие культурные ценности и сферы культурного мира, а также выделить отличительные компоненты ассоциативных рядов, особенности употребления концептов, а также выявить особенности содержания ментальной единицы, концепта, обусловленные культурно-историческим развитием нации.

Выводы по ГЛАВЕ I

В результате рассмотрения теоретических основ концепта был сделан ряд выводов.

1. Существует три подхода изучения концепта: лингвистический, когнитивный и культурологический. Это объясняется двойственной природой концепта.
2. В настоящий момент отсутствует единое определение концепта, но это всегда является интерпретация связи знания с языком. Данная связь образует понятия, которые складываются с течением времени при определенных условиях и обстоятельствах в человеке и в обществе.
3. Концепт не может существовать как отдельное понятие, т.к. он формируется благодаря переживаниям, социальному опыту человека и общества в целом.
4. Опыт и богатство культуры прошлых лет является концептосферой народа, благодаря которой можно определить его специфику. Общность концептов формирует концептосферу.
5. При описании концепта используют концептуальный анализ. Чаще всего используют следующие методики:
 - выявление семного состава ключевого слова;
 - анализ лексических парадигм различного объема и типа, вербализующих тот или иной концепт;
 - анализ материала паремий и афоризмов;
 - анализ лексической сочетаемости слов-репрезентантов концепта.

ГЛАВА II. Обоснование выделения концепта «Счастье» как доминантного в романе «Дженни Герхард»

2.1. Лингвистический анализ произведения

Теодор Драйзер (Theodore Herman Albert Dreiser) (1871-1945) известнейший американский писатель, прозаик, публицист и журналист. Ему принадлежат такие известные произведения как «Сестра Керри», «Дженни Герхардт», «Финансист», «Титан», «Стоик» и некоторые другие.

Его отец был немец по происхождению, а мать-славянка. Семья была бедная, поэтому его долгий путь к успеху был непрост, увенчан взлетами и падениями, т.к. все достижения – его личная заслуга и результат кропотливого, упорного, а главное самостоятельного труда. Жизнь «простых» людей он знал изнутри, поэтому его произведения максимально отражают реальность, освещая актуальные проблемы своего времени. Разоблачая общественные пороки беспощадным взглядом реалиста, он заявил себя одной из самых ярких фигур американской литературы 20 века.

Роман «Дженни Герхардт» не сразу был воспринят читателями, он как будто бросал вызов сформировавшимся устоям общества с его социальной несправедливостью, псевдорелигией и буржуазной моралью, а сам сюжет и выбор главной героини оказались абсолютно нетипичными, отвергающими закон, сформулированным американским писателем и критиком Уильямом Дином Хоуэлсом — «изображать более приятные стороны жизни, которые одновременно являются и более американскими».

Сюжет этого романа разворачивается вокруг мигрировавшей из Германии в Америку большой семьи, состоящей из отца, матери и шестерых детей. Воспитанный по канонам церкви глава семьи строго следует закону Божьему и

поступает всегда исключительно правильно, выбирая простую, честную, но очень бедную жизнь: “This honesty, like his religious convictions, was wholly due to inheritance. He had never reasoned about it. Father and grandfather before him were sturdy German artisans, who had never cheated anybody out of a dollar, and this honesty of intention came into his veins undiminished” (Dreiser, 2014: 22). Проработав всю жизнь на одного хозяина, переезжая с ним с места на место, в определенный момент он теряет работу, тем самым вынуждая остальных членов семьи искать любые средства заработка. Мать Дженни и она сама устроились в элитную гостиницу горничными, а другие дети – воровали уголь из вагонов на железной станции, чтобы обеспечить тепло в доме.

Благодаря упорному труду, они получают скудные средства к существованию, и это бы продлилось еще очень долгое время, пока Дженни не заинтересовался уже не молодой, но очень солидный и обеспеченный сенатор. Их отношения кажутся очень странными со стороны, и они не могут быть восприняты всерьез обществом, несмотря на их искренность и неподдельный интерес друг к другу. Юная и добрая Дженни влюбляется в сенатора, и это чувство взаимно, поэтому, когда она попросила его помочь ее брату Себастьяну избежать тюрьмы, он не смог ей отказать. Но, не справившись с нахлынувшими чувствами, сенатор вступает с ней в интимные отношения и уезжает, имея честное намерение жениться на ней, а Дженни в свою очередь уверена в искренности его обещания: “Her present attitude was one of surprise, wonder, uncertainty; and at the same time she experienced a genuine feeling of quiet happiness. Brander was a good man; now he was closer to her than ever. He loved her. Because of this new relationship a change in her social condition was to inevitably follow. Life was to be radically different from now on—was different at this moment. Brander assured her over and over of his enduring affection” (Dreiser, 2014: 34). Вскоре она узнает о его смерти и беременная остается без дома и без денег, так как строгий отец, узнав об этом, выгнал ее.

Спустя некоторое время она и ее семья переезжают в другой город втайне от отца, который живет от них временно отдельно. Дженни вновь устраивается горничной уже в роскошный дом, где своей легкостью, чуткостью и необычностью очаровывает богатого Лестера Кейна. В связи с тяжелым материальным положением она обращается за помощью к нему, и ее история повторяется. Он берет ее с собой в командировки, где постепенно они влюбляются друг в друга. Материальное положение было спасено, но из-за тяжелой травмы ее отец возвращается к родным. Финансовое благополучие не может остановить распад семьи: отец долго не прощает ее, мать постепенно умирает, а дети женятся и разъезжаются, забыв друг о друге: “The death of Mrs. Gerhardt hastened the final breaking up of the family. Bass was bent on getting married at once, having had a girl in town for some time. Martha, whose views of life had broadened and hardened, was anxious to get out also” (Dreiser, 2014: 172).

Дженни и Лестер живут словно муж и жена, и он вскоре узнает об ее внебрачном ребенке, к которому он впоследствии очень сильно привязывается и занимается воспитанием. Немного позже к ним переезжает ее отец и спустя непродолжительное время умирает. Параллельно с этими событиями семья Лестера пытается его облагородить, пытаясь любыми способами убедить бросить Дженни. В итоге его отец обещает передать ему часть наследства с условием их разрыва. Утратив деньги, положение в обществе, от него отворачиваются все его друзья и знакомые, а сам он испытывает непреодолимую грусть и теряет интерес к жизни. В этот момент он встречает Летти Пейс - девушку своего ранга, любившую его много лет назад, что заставляет его думать о разрыве с отношений. Последней каплей становится визит поверенного брата Лестера к Дженни, который раскрывает истинное положение ее любимого человека, и она решат уйти, чтобы он был счастлив. Карьера Лестера восстанавливается стремительно, и он женится на Летти Пейс, а Дженни со своей дочерью уезжают в другой город, где она проводит с ней все время и оплакивает свою несбывшуюся мечту.

Через непродолжительное время у Дженни умирает дочь. Одна за другой потери сильно сказываются на ней. Она становится замкнутой и находит свое утешение в воспитании двух приемных детей. Лестер тем временем обнаруживает, что деньги и положение в обществе не приносят ему радости, а его брак не удовлетворяет его так, как брак с Дженни. Перед смертью он просит прийти ее к нему и признается, что она любовь всей его жизни: “ Well, I've told you now, and I feel better. You're a good woman, Jennie, and you're kind to come to me this way. I loved you. I love you now. I want to tell you that. It seems strange, but you're the only woman I ever did love truly. We should never have parted” (Dreiser, 2014: 367). Позже он умирает, и Дженни тайно посещает похороны, чтобы проститься с последним для нее дорогим и любимым человеком.

Главная героиня всю жизнь жертвует своим счастьем во благо родных ей людей. Сначала она жертвует собой для того, чтобы спасти брата, далее она жертвует собой, спасая свою семью от нищеты, а в конце она жертвует собой и своими чувствами ради любимого человека. Все эти жертвы знак искренней любви и заботы с ее стороны, но, несмотря на доброту и чистоту намерений, она в итоге лишается своего счастья. Из прекрасной, юной, чувственной девушки, она превращается в замкнутого, скрытного человека, который вопреки всем ударам судьбы сохранил доброту и способность сопереживать другим людям: “ It has been said that Jennie was naturally of an industrious turn. She liked to be employed, though she thought constantly as she worked. She was of matronly proportions in these days—not disagreeably large, but full-bodied, shapely, and smooth faced, in spite of her cares. Her eyes were grey and appealing. Her hair was still of a rich brown, but there were traces of grey in it. Her neighbours spoke of her as sweet-tempered, kindly, and hospitable. They knew nothing of her history, except that she had formerly resided in Sandwood, and before that in Cleveland. She was very reticent as to her past (Dreiser, 2014: 350).

На протяжении всего романа присутствует надежда на то, что она наконец-то обретет те немногие жизненные ценности, которые нужны каждому

человеку: дом, семья, дети, уют, но снова и снова счастье от нее ускользает, а ее поступки родные люди оценивают, но слишком поздно.

Ее отец практически до конца жизни не мог смириться с образом жизни своей дочери. Воспитанный иначе, строго следовавший церковным канонам, он не мог воспринять ее позицию, т.к. для него счастье – это жить по чести, праведно, всегда трудиться и вести скромную жизнь, за которую после смерти ему воздастся. Педантичный по своей натуре он неуклонно следовал своим постулатам. Возможно, он был счастлив со своей точки зрения, но окружающим его людям это счастья не приносило. Так он практически до последних дней оставался осуждающим тираном, а перед самой смертью наконец-то понял, что Дженни была одним из немногих людей, которая искренне желала только добра и делала все возможное для его благополучия: “The progress of the old German's malady toward final dissolution preyed greatly on Jennie's mind; for, in spite of the fact that they had been so far apart in times past, they had now grown very close together. Gerhardt had come to realise clearly that his outcast daughter was goodness itself—at least, so far as he was concerned” (Dreiser, 2014: 234).

Лестер Кейн изначально не относился серьезно к ней, но со временем он стал понимать, что именно эта женщина дает ему спокойствие и окружает заботой, вдохновляя и поддерживая во всем. Для многих людей это является счастьем: найти верного спутника жизни и развиваться вместе, находя друг в друге опору и покой. Лестер оказался именно таким человеком, т.к. его разрыв с Дженни и помолвка с другой женщиной не принесли ему истинного счастья, и даже перед смертью он захотел видеть именно ее: “Curiously enough, not only because he was in Chicago, but because he had never been spiritually separated from Jennie, he was thinking about her constantly at this time. He had intended to go out and see her just as soon as he was through with his business engagements and before he left the city” (Dreiser, 2014: 366). Более того, он так никогда и не смог насладиться этим счастьем: всю жизнь он скрывал свои отношения, боясь

разоблачения и пряча ее от всех, стыдился их и испытывал душевные терзания каждый раз, думая об этом. К тому же власть денег, авторитет и пафос высшего общества оказались более пленительными для Лестера, поэтому он сделал свой выбор их пользу. Это словно другой мир, в котором Дженни никогда бы не была принята и навсегда осталась бы чужой, т.к. по строгим постулатам представителей элиты девушка из бедной семьи, без образования и к тому же с внебрачным ребенком не могла стать женой сына богатой семьи.

Так внешние условности и искусственно созданные рамки в голове берут верх над реальным благосостоянием человека. Все люди хотят быть счастливыми, но не все готовы слушать свое сердце и идти против любых препятствий. Одним не хватает силы духа, другие не способны видеть дальше своих понятий, третьи боятся выйти из своей зоны комфорта. Кроме того, большинство людей слишком эгоистичны, чтобы подумать о ближнем человеке и пытаются найти только свою выгоду.

Парадоксальным остается факт человеческого безразличия и жестокости по отношению к Дженни. Ее личные качества, такие как прямота, открытость, спокойствие, способность сопереживать, трудолюбие, ответственность, целеустремленность, чувственность и безграничная вера в счастье остались незамеченными, а она сама определена как «падшая», аморальная женщина. Автор затрагивает проблему гуманности и утверждает, что общество не имело право осуждать ее. Кроме того, вопрос о «человечности» остается открытым, а моральность этих людей поставлена под сомнение.

В итоге мы можем наблюдать историю несчастных судеб, которые под общественным гнетом не смогли реализоваться и вынуждены были перенести множество бессмысленных испытаний, повлекшие за собой только горе, уныние, разочарование и тоску.

Лейтмотив счастья и вера в светлое будущее главной героини, дают надежду на то, что когда-нибудь оно обязательно придет. Поэтому концепт счастья является ведущим в данном произведении. Для того чтобы подробно

его рассмотреть в данной работе, используется концептуальный анализ, который представлен в следующем параграфе.

2.2. Доминантный концепт «Счастье» и особенности его выделения

Описание концепта подразумевает собой применение методик для его анализа, которые были заявлены в первой главе. Разумным будет применение некоторых из них, для того, чтобы в полной мере раскрыть особенности его выделения.

Исходя из лингвистического анализа произведения, можно сделать вывод, что присутствует несколько главных действующих лиц, через которые концепт «Счастье» раскрывается. В данной работе внимание останавливается непосредственно на Дженни Герхардт, т.к. образ именно этого персонажа наиболее подробно описан в романе.

Для работы с аутентичным текстом произведения возьмем эквивалент лексемы «счастье» в английском языке – “happiness” и рассмотрим толкование данного слова.

Новый Вебстерский словарь дает несколько определений: 1. archaic: good fortune, good luck, prosperity; a state of well-being characterized by relative permanence, by dominantly agreeable emotion ranging in value from mere contentment to deep and intense joy in living, and by a natural desire for its continuation; a pleasurable or enjoyable experience (Webster's New International English Dictionary, 2012: 348).

Тезаурус Роже представляет такую характеристику: (noun) 1. the quality or state of being happy. Pleasure, joy, exhilaration, bliss, contentedness, delight, enjoyment, satisfaction. Happiness, bliss, contentment, felicity imply an active or passive state of pleasure or pleasurable satisfaction. Happiness results from the

possession or attainment of what one considers good: the happiness of visiting one's family. Bliss is unalloyed happiness or supreme delight: the bliss of perfect companionship. Contentment is a peaceful kind of happiness in which one rests without desires, even though every wish may not have been gratified: contentment in one's surroundings. Felicity is a formal word for happiness of an especially fortunate or intense kind: to wish a young couple felicity in life (Roget's Thesaurus of English Words and Phrases, 1977: 121).

В словаре Лонгман обозначено следующее определение: the state of being happy; а так же некоторые варианты сочетаемости слов в разных категориях. Первая категория - прилагательные: great happiness (=a lot of happiness), true/real happiness (=having all the qualities which happiness should have), perfect/pure/sheer happiness (=happiness that is as good as it can be), human happiness (=happiness felt by people), lasting happiness (=happiness that continues), domestic happiness (=happiness that comes from family relationships and life at home), marital happiness (=happiness that comes from being married), future happiness, personal happiness. Вторая категория – это глаголы: find happiness, bring (somebody) happiness (=make someone happy), achieve happiness, be filled with happiness, glow with happiness (=look very happy), wish somebody (every) happiness/wish (every) happiness to somebody (=say that you hope someone will have a happy life). Третья категория – устойчивые выражения: a feeling of happiness, the pursuit of happiness (=the act of trying to achieve happiness) (Longman Dictionary of English Language and Culture, 2012: 209).

Новый Вебстерский словарь кроме предложенных определений предоставляет ряд синонимов и антонимов:

- a feeling or state of well-being and contentment.

Synonyms: beatitude, blessedness, bliss, blissfulness, felicity, gladness, joy, warm fuzzies

Related Words: elatedness, elation, exhilaration, exultation, high, intoxication, ecstasy.

Antonyms: calamity, ill-being, misery, sadness, unhappiness, wretchedness.

- the feeling experienced when one's wishes are met finally.

Synonyms content, contentedness, contentment, delectation, delight, enjoyment, gladness, gratification, pleasure, relish, satisfaction.

Antonyms: discontent, discontentedness, discontentment, displeasure, dissatisfaction, unhappiness.

- the quality or state of being especially suitable or fitting.

Synonyms: appositeness, aptness, felicitousness, felicity, fitness, fittingness, appropriateness, properness, propriety, rightness, seemliness, suitability, suitability.

Antonyms: impropertness, impropriety, inappositeness, inappropriateness, inaptness, infelicity, unfitness, unseemliness, unsuitability, wrongness (Webster's Third New International Dictionary of the English Language, 1967: 349).

Исходя из приведенной информации, можно определить, что само слово “happiness” очень многогранно и имеет большой синонимический ряд, который влечет за собой такое же количество антонимов, тем самым расширяя возможные ситуации его употребления. Коннотативная окраска может варьироваться в зависимости от заданного контекста, благодаря которому мы можем точно определить заложенное значение и наоборот употребить нужную лексему в зависимости от предложенной ситуации.

Раскрывая основной концепт, следует обратиться непосредственно к самому тексту произведения, а именно к сюжетной линии и описанию Дженни Герхардт: ее чувств, мыслей, судьбы и отношению к ней других персонажей.

Читатель знакомится с Дженни во второй главе, по которой сразу же можно понять каким человеком она являлась: “a mellowness of temperament which words can but vaguely suggest/ life, so long as they endure it, is a true wonderland, a thing of infinite beauty, which could they but wander into it wonderingly, would be heaven enough/ caged in the world of the material, however, such a nature is almost invariably an anomaly/ other world of flesh into which has been woven pride and greed looks askance at the idealist, the dreamer/ she knew that

there were other girls whose lives were infinitely freer and fuller, but, it never occurred to her to be meanly envious; her heart might be lonely, but her lips continued to sing” (Dreiser, 2014: 12). Можно сделать вывод, что она очень добрый человек, который с самого детства, несмотря на довольно тяжелые условия жизни, сохранял оптимизм и веру в счастье. Более того, ей были чужды все отрицательные человеческие качества, она словно возвышалась над ними.

Сама лексема “happiness” употребляется 9 раз и в форме прилагательного “happy”, но, тем не менее, именно этот концепт является доминирующим, потому что для главной героини само счастье представляет собой совокупность понятий FAMILY и LOVE. Чтобы это подтвердить, следует обратиться к каждому из них отдельно.

Показателем того, что Дженни Герхардт очень ценила и заботилась о своей семье, служит высокая частотность употребления лексем в рамках концепта: family(20), father(124), mother(220), children(34), child(20), daughter(57). Когда речь заходила об ее семье, она была готова пойти на любые жертвы, ведь ее благополучие и есть залог ее счастья.

Познакомившись с сенатором и испытав чувство любви к мужчине впервые, она видела множество возможностей открывавшихся для семьи: “She dwelt, in imagination, upon the possibilities of a new and fascinating existence. Of course he would marry her. Think of it! She would go to Washington—that far-off place. And her father and mother—they would not need to work so hard any more. And Bass, and Martha—she fairly glowed as she recounted to herself the many ways in which she could help them all» (Dreiser, 2014: 21). То есть мысль о хорошей жизни вместе с сенатором Брендером приводила ее в восторг только при условии улучшения качества жизни родственников. “There was the mirage of a distant country and wondrous scenes looming up in her mind. She had a little fortune in the bank, more than she had ever dreamed of, with which to help her mother” (Dreiser, 2014: 22). Упоминая семью, тут же употребляется глагол “help”, что значит «помощь», а сама помощь для нее заветная мечта.

Когда родилась ее дочь, Дженни, несмотря на тяжесть положения, очень радостно восприняла свой новый статус: “It was a wonderful thing to be a mother, even under these untoward conditions. She felt that she would love this child, would be a good mother to it if life permitted. That was the problem—what would life permit?” (Dreiser, 2014: 45). Само материнство для нее было “wonderful thing”=«чудом», а ассоциация со словом “child”= “love”, то есть ребенок – это, прежде всего, любовь.

Переезд в новый город был сопряжен для главной героини с множеством трудностей, но в тексте подтверждается, что характер ее был оптимистичный: “Best of all, she was of that naturally sunny disposition, which, in spite of toil and privation kept her always cheerful” (Dreiser, 2014: 54). Отсюда выделяем “naturally sunny disposition”=истинно светлый, солнечный нрав, что определяет девушку как человека счастливого. И снова в эти минуты она продолжает думать о семье: “Her mother was always in her mind, her mother and the children” (Dreiser, 2014: 55).

Встретив Лестера и поняв, что он может оказать реальную поддержку, Дженни, прежде всего, думала не о своей любви (хотя она испытывала к нему чувства), а вновь о близких: “Jennie was now going through the agony of one who has a varied and complicated problem to confront. Her baby, her father, her brothers, and her sisters all rose up to confront her. What was this thing that she was doing? Was she allowing herself to slip into another wretched, unsanctified relationship?” (Dreiser, 2014: 84). Наличие вопросительных предложений в ее рассуждениях показывают тревогу и критику самой себя, и она поступалась со своими принципами и делала все на благо семьи. События развиваются, а мысли Дженни остаются прежними: “Now, there seemed to be others to consider — her family, above all, her child” (Dreiser, 2014: 85).

Получивший травму отец, без заработка которого существование семьи становится невозможным, становится мотивом для начала новых отношений главной героини. В своих мыслях она сама себя убеждает в безвыходности

ситуации: “If she could make her family happy, if she could give Vesta a good education, if she could conceal the true nature of this older story and keep Vesta in the background — perhaps, perhaps — well, rich men had married poor girls before this, and Lester was very kind, he certainly liked her” (Dreiser, 2014: 112). Каждая ее реплика сопровождается лексемой “perhaps”=«возможно», подтверждающую сомнения, но эти сомнения не помещали ей в принятии решения на пути к цели “make her family happy”.

Начало изменениям было положено, и первая мечта главной героини осуществилась: “Jennie smiled and tried to pretend satisfaction without emotion, but there were tears in her eyes. She was so glad for her mother's sake. She could have kissed Lester's feet for his goodness to her family” (Dreiser, 2014: 130). Счастье матери вызвало “satisfaction” =«удовлетворенность», “glad”=«радость», от которых у нее наворачивались слезы.

Период, вынуждавший скрывать свою дочь от Лестера, был для Дженни мучительным: “She was crazy about her baby. The heaviest cross she had to bear was the constant separations and the silence she was obliged to maintain about Vesta's very existence. It did seem unfair to the child, and yet Jennie did not see clearly how she could have acted otherwise” (Dreiser, 2014: 156). Она постоянно упрекала себя за то, что не может быть с ребенком, а ее страдания обозначены как “the heaviest cross”=«тяжкий крест».

Когда Дженни была вынуждена рассказать о существовании Весты, она осуществила одну мечту – быть вместе со своим ребенком, но погубила мечту о браке: “She was thinking of Vesta, of her ungrateful attitude toward Lester, of his final decision never to marry her. So that was how one dream had been wrecked by folly” (Dreiser, 2014: 164). В приоритете оказалась дочь, и Дженни поступилась своим счастьем быть женой. Единственный вариант заключения брака был отказ от своей семьи, т.к. ее шансы, будучи одинокой, были гораздо больше, но бросить близких она не могла.

Понятие LOVE является второй составляющей частью концепта HAPPINESS, которую так же можно просмотреть по сюжетной линии.

Первой ее любовью был добрый, порядочный и открытый мужчина сенатор Брендер, который сразу вызвал в ней доверие и убедил в своей искренней любви. Их близость должна была закончиться браком, и Дженни верила в это: “Her present attitude was one of surprise, wonder, uncertainty; and at the same time she experienced a genuine feeling of quiet happiness. Brander was a good man; now he was closer to her than ever. He loved her. Because of this new relationship a change in her social condition was to inevitably follow. Life was to be radically different from now on—was different at this moment” (Dreiser, 2014: 40). Она любила и была любимой, поэтому испытывала “a genuine feeling of quiet happiness”=«истинное чувство настоящего счастья».

Его внезапная смерть была настоящим шоком для нее, и в своих рассуждениях она мучала себя вопросами: “What was this element in life that could seize and overwhelm one as does a great wind? Why this sudden intrusion of death to shatter all that had seemed most promising in life?” (Dreiser, 2014: 49). Отсюда следует, что сенатор был “most promising in life”, то есть он был надеждой на лучшую жизнь.

Второй мужчина Лестер был сильным и надежным, а главное любящим: “Lester truly loved her in his own way.... On her part Jennie had sincerely, deeply, truly learned to love this man” (Dreiser, 2014: 117). Их любовь была мощным стимулом для Дженни и в ней она находила одно из своих назначений - быть хорошей женой.

Она прилагала все усилия для того, чтобы получить этот статус: “She liked making new friends, and she was hoping that something definite could be worked out here which would make Lester look upon her as a good wife and an ideal companion. Perhaps, some day, he might really want to marry her” (Dreiser, 2014: 156). Ее надежду раскрывают такие лексемы как “perhaps”=«возможно», “some day”=«когда-нибудь», “was hoping”=надеялась.

Узнав о том, что он может пострадать из-за нее, она немедленно приняла решение уйти для его же блага, но это сильно ранило ее чувства: “She was in a quandary, hurt, bleeding, but for once in her life, determined. Whether he wanted to or not, she must not let him make this sacrifice. She must leave him—if he would not leave her” (Dreiser, 2014: 234). Когда речь шла о любимом, ее решение было твердым: “she must not let him”, “must leave him” - она не должна/должна была принять решение. “Jennie felt a curious sense that she might hold him if she would, for he was doubting; but she knew also that she should not wish. It was not fair to him. It was not fair to herself, or kind, or decent” (Dreiser, 2014: 237). Она знала, что могла его удержать, но не хотела делать его “sacrifice” =«жертвой», т.к. это было бы нечестно. Для нее счастьем было знать, что он не пострадает из-за нее и получит то, что хотел. Стать преградой к счастью Лестера для нее было не допустимо.

“On her part it was one of intense suffering, for she was of that stable nature that rejoices to fix itself in a serviceable and harmonious relationship, and then stay so. For her life was made up of those mystic chords of sympathy and memory which bind up the transient elements of nature into a harmonious and enduring scene” (Dreiser, 2014: 245). Отсюда делаем вывод, что главное – “to fix itself in harmonious relationship and then stay so”=«создать гармоничный союз и сохранить его».

Смерть Лестера для нее стала настоящим потрясением, а его откровение перевернуло жизнь: “Jennie caught her breath. It was the one thing she had waited for all these years - this testimony. It was the one thing that could make everything right - this confession of spiritual if not material union. Now she could live happily. Now die so” (Dreiser, 2014: 323). Его признание в любви изменило ее жизнь, после него она “could live happily”=«может жить счастливо», а так же “die so” =«спокойно умереть». Достигнув своего счастья, она словно считала свою миссию выполненной, т.к. познала это чувство.

Сама лексема “love” встречается в тексте 50 раз, и каждый раз речь идет о настоящей и искренней любви, которую главные герои испытывали, но в силу определенных обстоятельств, которые диктуются обществом или их внутренним голосом, они не смогли в полной мере насладиться этим чувством. Жертвуя собой или своими близкими, главные герои не становились счастливыми, а с каждым новым событием ситуация постоянно ухудшалась, и читатель по итогу не может наблюдать положительную развязку.

Исходя из биографии Дженни, мы можем сделать вывод, что она с каждым новым этапом жизни терпит крах всех ожиданий от жизни.

Сначала главная героиня поняла, что общественное мнение всегда будет против нее: “And she had hoped somehow to rehabilitate herself in the eyes of the world. It cut her as nothing before had ever done. The thought tore a great, gaping wound in her sensibilities. She was really low and vile in her—Louise's—eyes, in the world's eyes, basically so in Lester's eyes. How could it be otherwise? She went about numb and still, but the ache of defeat and disgrace was under it all. Oh, if she could only see some way to make herself right with the world, to live honourably, to be decent. How could that possibly be brought about? It ought to be—she knew that. But how?” (Dreiser, 2014: 265). В своих мыслях она беспрестанно “hope”= «надеялась» и терзала себя вопросами “how could it...”, “how could that...”, “if she could...”, “but how?”. Причиной переживаний стало непринятие ее семьи, ребенка в общество Лестера, а тем более отсутствие возможности стать женой и создать с ним новую ячейку общества. Дженни с рождения получила статус – девушка из бедной семьи, а с внебрачным ребенком она приобрела еще один статус - «падшая женщина».

Следующим разочарованием стало абсолютное убеждение в том, что мысль о женитьбе не допустима. Поводом к этому послужило знакомство с Лети Пейс: “That is the woman he should have married” - так Дженни думала о ней, “still she felt humble, out of place, holding handfuls of jewels that did not belong to her” - она окончательно убедилась, что находится не на своем месте.

“If she went away Lester would return to his old world, the world of the attractive, well-bred, clever woman who now hung upon his arm. The tears came into Jennie's eyes; she wished, for the moment, that she might die. It would be better so”. Таким образом, она решила, что она мешает счастьем Лестера и хотела, чтобы он вернулся к старой жизни. Приняв эту мысль, ее единственное желание было “might die”=«умереть», т.е. жизнь без Лестера для нее равносильна смерти.

Большим потрясением стала для нее внезапная смерть дочери: “This added blow from inconsiderate fortune was quite enough to throw Jennie back into that state of hyper-melancholia from which she had been drawn with difficulty during the few years of comfort and affection which she had enjoyed with Lester in Hyde Park. It was really weeks before she could realise that Vesta was gone”, “Jennie moved as one in a dream. She was dazed, almost to the point of insensibility” (Dreiser 2014: 315). Смерть – как сон, она отказывалась воспринимать этот факт.

Последняя и завершающая потеря – это окончательная утрата Лестера: “Affection was what she craved. Without it she was like a rudderless boat on an endless sea, and he knew it. She needed him, and he was ashamed to think that his charity had not outweighed his sense of self-preservation and his desire for material advantage” (Dreiser 2014: 322). Он сам в результате признал, что самая важная для нее вещь “affection”=«любовь», которую она не просто “wait”=«ждала», а “crave”=«страстно желала».

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что счастье Дженни – это большая дружная семья, в которой все здоровы и живут в благоприятных условиях, где каждый друг друга поддерживает и понимает. Более того, это еще и создание своей собственной семьи, что подразумевает удачный брак, где партнеры уважают друг друга, развиваются, не пытаются скрыть свои отношения, а просто живут тихо и счастливо. Важным фактором было и материнство, где она бы смогла дать все лучшее своим детям и в их воспитании

найти свое счастье. И последний залог счастья – это любовь, прежде всего к своему мужу, потом своим детям, к семье и к жизни в целом.

Эти аргументы подтверждают мысль о том, что понятие LOVE и понятие FAMILY являются главными составными частями концепта HAPPINESS.

Говоря о том, была ли счастлива главная героиня или нет, можно прийти к выводу, что она всегда была рядом со счастьем, словно держала в руках, но очень скоро у нее отбирали все, что делало ее счастливой. У Дженни была семья, в которой были родители и братья с сестрами, любимая дочь, любимый мужчина, но она никогда не могла полноценно насладиться своим положением, так как всегда ей приходилось что-то скрывать или от чего-то защищаться, а иногда поступаться своими желаниями ради блага других. Главная героиня познала счастье, пусть оно было не таким, как ей представлялось, но, несмотря на все удары судьбы, не утратила веру в светлое будущее. И если она не смогла построить свою счастливую жизнь, то она продолжила делать счастливыми других людей.

Выводы по ГЛАВЕ II

В результате рассмотрения концепта «Счастье» в романе «Дженни Герхардт», был сделан ряд выводов:

1. Роман затрагивает острые социальные проблемы, такие как социальное неравенство, классовые предрассудки и чрезмерное желание обществом осуждать других людей;
2. Концепт счастья является доминирующим в романе, а сама лексема (HAPPINESS) имеет много значений, большой синонимический ряд и разные вариации способов их употребления;
3. Несмотря на то, что сама лексема happiness встречается не часто, она просматривается между строк, и читатель остается убежденным, что главная героиня всегда находится в поисках счастья;
4. Двумя составными образующими концепта счастья являются понятия LOVE и FAMILY. Главная героиня выделяла эти два понятия, и только при условии, что она испытает чувство любви и построит счастливую семью, она могла быть счастлива. Дженни Герхард всю жизнь испытывала мимолетное счастье. Принося себя в жертву, она делала счастливыми всех вокруг кроме себя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав теоретическую основу концепта, можно сделать вывод, что это понятие включает в себя как семантику самой лексемы, так и содержание, которое она подразумевает. Эти содержания формируют концептосферу, которая в свою очередь отражает понятия и стереотипы, присущие определенной нации в конкретных временных рамках.

Для того чтобы определить, как был репрезентирован концепт в произведении, были предложены методы концептуального анализа. В данной работе для его описания использовалось несколько из них:

- выявление семного состава ключевого слова;
- анализ лексических парадигм различного объема и типа, вербализующих концепт, а именно синонимического ряда ключевого слова и лексико-семантического, лексико-фразеологического, ассоциативно-семантического поля ключевого слова;
- анализ лексической сочетаемости слов-репрезентантов концепта на материале художественного текста.

Сам роман затрагивает острые социальные проблемы, которые были ярко выражены в начале 20 века в Америке: классовое неравенство, суждение по материальным благам и достижениям о самом человеке, несправедливость общественного строя и угнетение «низших» слоев общества.

Главная героиня романа стала жертвой такого порядка. Представая перед читателем человеком «с большой буквы», она словно бросала вызов такому устою.

Концепт «Счастье» является ведущим в данном романе и репрезентируется с помощью употребления самой лексемы, ее вариации в других частях речи, использования синонимов и антонимов.

Кроме того, концепт «Счастье» представляет собой совокупность двух понятий FAMILY и LOVE, которые являлись ведущими для главной героини и составляли ее счастье. Для того чтобы подтвердить это, в работе рассматриваются лексемы FAMILY и LOVE, а именно частота употребления этих лексем, их синонимический ряд и коннотативная окраска. Более того, употребление этих лексем либо подразумевает счастье, либо буквально употребляется с самим словом «счастье».

Проведенное исследование показывает, каким многогранным может представлять концепт «Счастье» в зависимости от заданного времени, ситуации, национальной принадлежности носителя языка, личных качеств, которые формируют содержание концепта. А в зависимости от его содержания, выбираются языковые средства, с помощью которых репрезентируется заданный концепт. Таким образом, определяется связь между языковыми средствами и содержанием концепта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф., Корина Н.Б. Проблемы когнитивной лингвистики. - Нитра (Словакия): Университет им. Константина философа, 2011. – 567 с.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
3. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – М., 1995. – С. 67-76.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341с.
5. Арутюнова Н.Д. Введение //Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 3-22.
6. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 257-297.
7. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: ВГУ, 1996. – 467 с.
8. Белянин В.П. Психолингвистика: учеб. пособие / В.П. Белянин. – М.: Новый Гуманитарный Университет Натальи Нестеровой, 1999. – 37 с.
9. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 657 с.
10. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Рус. словари, 1997. – 416 с.
11. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
12. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Рус. язык, 1983. – 269 с.
13. Волченко В.В. Построение модели семантического описания на основе гипотетико-дедуктивного метода // Лингвистика на рубеже эпох: доминанты и маргиналии: Сборник статей. – М.: МГПУ,; 2004. – С. 186-189.

14. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. Науки. – М., 2001. – С. 456-498.
15. Воробьёв В.В. Семиотическая модель описания языка и культуры // Язык и культура: Третья междунар. Конф. Доклады. – Киев: Институт международных отношений, 1994. – С. 378-396.
16. Гумерова А.Т. Когнитивная и лингвокультурологическая организация концепта. – М., 2010. – 434 с.
17. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 158-167.
18. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 69-86.
19. Карасик В.И., Стернин И.А. Антология концептов. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с.
20. Кацнельсон Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 376 с.
21. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
22. Клестер А.М. Когнитивный подход к изучению межотраслевой терминосистемы // Омский научный вестник. - 2012. - № 4. - С. 171-174.
23. Кобрина Н.А. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития. – Тамбов, 2000. – 438 с.
24. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – Казань: КДУ, 2011. – 324 с.
25. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 345-389.

26. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1996. - № 4. - С. 34-47.
27. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
28. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – Л.: ЛКИ, 2008. – 256 с.
29. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
30. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. – М.:Наука, 1993. – 657 с.
31. Маковский М.М. Картина мира и миры образов (лингвокультурологические этюды) // Вопросы языкознания. – М.:Наука, 1996. - № 6. – С. 176-189.
32. Маслов В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Наука, 2004. – 294 с.
33. Никитин Н.В. Основы лингвистической теории значения. – М.:Высш. Школа, 1988. - 435 с.
34. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: ВГУ, 2002. – 139 с.
35. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. - 314 с.
36. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – М., 1990. – С. 45-62.
37. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. – Воронеж: Истоки, 2004. – 435 с.
38. Рябцева Н.К. Логический анализ языка. Языки этики. – М.: Языки

русской культуры, 2000. – 91с.

39. Селиверстова О.Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1965. – С. 220-251.

40. Селиверстова О.Н. Некоторые типы семантических гипотез и их верификация // Гипотеза в современной лингвистике. – М., Наука, 1980. – С. 5-67.

41. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. - 256 с.

42. Слышкин Г.Г. Концепт чести в американской и русской культурах // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград: Перемена, 1994. – С. 54-60.

43. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурологические концепты прецедентных текстов. – М.: Academia, 2000. – 769 с.

44. Степанов Ю.С. Проблема общего метода современной лингвистики // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания: Тезисы докладов. – М., 1974. – С. 118-126.

45. Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985. – 267 с.

46. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Акад. Проект, 2001. – 990 с.

47. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа Яз. Русс. Культуры, 1996. – 249 с.

48. Тимофеева М.К. Введение в экспериментальную когнитивную лингвистику: учеб. Пособие / М.К. Тимофеева. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2010. - 114 с.

49. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей. – М., 1996. – С. 139-162.
50. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 74-117.
51. Хайдеггер М. Путь к языку. Бытие и время. – М.: Республика, 1993. – 259 с.
52. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 744 с.
53. Beaugrande R.A., Dressler W.U. Introduction to text linguistics. – London: Longman, 1981. – 270 p.
54. Fairclough N.L. Language and Power. – London: Longman, 1989. – 259 p.
55. Swan M. Practical English Usage. – Oxford: Oxford University Press., 1984. – 552 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Longman Dictionary of English Language and Culture. - Harlow, 2012. - 1899 p.
2. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. - Harmondsworth: Penguin Books, 1977. – 1478 p.
3. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. - Springfield, Mass.: G. & C. Merriam Co., - 1967. - 1345 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Т. Dreiser. Jennie Gerhardt. – М.: Прогресс, 2014. – 381 р.